Дмитрий Бранской и племянники короля Лимбала

Кабы было у Ли́мбала у короля,
А как было пированьё-столованьё
А про руських могучих бога́тырей,
А про тих про хресьян да православныих.
Кабы все-де сидят да на чесном пиру,
Кабы все-де сидят да пьяны-веселы,
Кабы все-де сидят да веселёшиньки.
А сидят-де у его нынь два племянника,
А они-де сидят да призадумались.
А как ’се-де сидят да приросхвастались:
А иной-от-де хвастат золотой казной,
Кабы дикой-ёт хвастат молодой жоной,
Кабы умной-ёт хвастат старой матерью,
Кабы мудрой-от хвастат добрым конём.
А на то-де ле Лимбал-король сидит ныньче,
А сидит-де на лавке, на них поглядыват,
А говорит-де ле сам да таково слово:
«Ох вы ой еси, мои ронны племянники!
Вы-де што сидите, быдто призадумались?
Вы-де што сидите нечим не хвастаите?
У вас нету ле нынь будто золотой казны?
У вас нету ле нынь ищэ добрых коней?
Але нету ле нынь своей удачушки?»
Отвечают ему ронны племянники:
«Ох ты ой еси, ты наш родной дядюшка!
Мы ведь вот чё сидим да в уми думаём:
Мы ведь хоцём как ехать нынь ко Митрею,
Посмотреть ле как хоцём ныньце Митрея —
А уж дай ле ты нам благословеньичо!»
Говорит-то Лимбал, король Литовскии:
«Я не дам ле ведь вам благословеньичо —
Вам ведь к Митрею ехать нынь да непошто,
Вам у Митрея нынь да делать нечего:

Я не хуже вас был да в молоду пору,
Я тегалса со Митреем ведь тридцеть лет,
Я не мог унести верха у Митрея.
Как на то ведь Митрей был хитёр-мудёр:
Как водою он ходил да рыбой-щукою,
По поднебесью летал да ясным соколом,
По подземелью ходил белым горно́сталём,
Как ведь черныи грязи — че́рным мядведём,
А дыбучи болота-ти — серым волком.
Вам у Митрея-то нынь да делать нечего,
Вам ведь взять-де у Митрея да нечего!
А больша-де у нас с ним да заповедь клажона:
А штобы некоторой не на которого не находить больше;
Мы которой найдём, — дак по коленям ног,
Мы у того-де по коленям ноги отрезати!
Как другой-де найдёт, — дак глаза выкопать!»
А отвечают на то ему племянники:
«Ох ты ой есь, ронной наш ныньце дядюшка!
Ты ведь дашь нам — пойдем, ныньце не дашь — пойдём!»
Как поежжают удалы добры молодцы,
Поежжают ко Митрею ко Бранскому.
Как поехали ко Митрею ко Бранскому,
А поехали по дорожке прямоежжеей,
Кабы едут они да скоро-наскоро.
А как едут удалы добры молодцы —
Подъежжают ко Митрею ко Бранскому.
Как приехали ко Митрею ко Бранскому,
А как дома-де Митрея не случилосе.
Как привелася-то ле дома одна служаноцька,
А случилась у Митрея дома племяннича,
Да случилса у его ище племянничёк.
А племяденка была ищэ шеснадцеть лет,
А племянничёк был да девети годов:
Как они же ле тут да испужалися,
Как они же ле тут да перепалисе.
Как испужалась его ныньце служаноцька —
А броси́лась она да вон на уличу,
А запряталась в конюшну во дворовую.
А они стали бунтовать, всё как банке́товать,

А получше ле стали как ’ сабо́й как клась.
Тут его-де сидит да как племяденка,
А его-де сидит молодой племянничёк,
А сидят-де, гледят они, поглядывают.
Они склали-де всё, да как нынь обрали,
Запрегли-де коней да ново Митриевых,
Повезли-де с сабой да которо лучше,
А племяденку как эту нынь с сабой берут,
А племянничка этого с сабой берут.
Как ищэ была присвета мать Богородича —
Да топтали ей ’ ворота ныньце, в грязь, право.
Тут отправились они да в свою сторону:
Роспустошили тут у Митрея, всё розвеяли,
Разметали всё у Митрея поло-на́поло.
А на то было у Митрея у Браньского
Как ведь были три ворона кормлёныи,
Как кормлёныи вороны, приучёные,
А для случаю-де Митрею — вести сказывать.
Как увидели эти вороны кормлёныи,
Как увидели у Митрея всю неладичку —
Полетели вороны да во чисто полё
А искать-де ле нынь да, право, Митрея.
Как поднелись-де они да высокохонько,
А увидели: в чистом поли стоит бел шатёр.
Прилетели эти вороны к белу шатру,
А садятся эти вороны на бел шатёр,
А другой ворон садитче нынь на матушку,
Он на матушку садитца на сыру землю,
А третéй ворон садитця как на сырой дуб.
Как програиват тут ворон на сыром дубу,
А как сы́рой-от дуб да раскачаитце,
А вершинами вместо заплетаитце —
Как-де Митрей-де Бранской не пробудитце,
Богатырской его сон не упоместитце.
Как програиват-де ворон нынь на матушке,
А на матушке програиват сырой земле —
А как тут-де ле Митрей не пробудитце,
Богатырской его сон не упоместитце.
Как програиват-де ворон на белом шатру,

Как шатёр весь у Митрея росколыбаитце —
Как топереце Митрей да пробужаитце.
Как выходит-де Митрей да из бела шатра,
Как выходит-де он да вон на уличу,
А гледит-де он, смотрит на вси стороны —
А сидят его-де вороны кормлёныя.
Розсуждать-де ле Митрей стал промежу собой:
«Винно, есь у меня дома неладичка,
Принесли мне-ка весь, винно, не малую».
Как-де тут-де ле Митрей ныньце Бранския
Заревел, закрычал да тут во турей рог —
Набежал-де его да ныньце доброй конь,
Прибежал его конь да из чиста поля.
Как имал-де своёго коня доборого,
А имал-де его да скоро-наскоро,
Он садилса на его ныньце скорешинько,
Он приправу себе брал да богатырскую,
Отправлялса скоре да в свою сторону.
То поехал-де Митрей как скорешинько,
Выежжал со полей да на дороженьку,
Выежжал на дорогу прямоежжую,
Он поехал по дороге прямоежжоей,
Замечать-де ле стал как ныньце ископыть:
«А как ехали, винно, мне да неприятели».
Подъежжат-де ’ своему нову терему,
А гледит-де он, смотрит как на свой-де дом —
А как у дому — гледит: всё розвоёвано.
А подъехал тут-де Митрей к своему дому,
Как слезыват тут ле ён да со добра коня,
А завязыват к ограды ко своей, право,
Как пошел он по своей да ныньце улице —
А увидел присвяту мать Богородичу,
А увидел-де ей: она в грези лёжит.
А берёт ей, присвяту мать Богородичу,
Обтират-де на ей да грезь великую,
А заносит-де ей да ныньце в дом, право,
Как стояла она ныньце, как в том мести.
Как поставил-де ей ныньце по-прежному,
А змолилса-де ей да Господу Богу:

«Присвята ты ле мать да Богородича!
Ты постой-ко за веру за великую!
А кто ле надо мной этта нагалилса?
А кто ле надо мной этта накуражилса?
Ты не выдай, присвята мать Богородича!
А ведь верной приежжал, ноньце неверной нынь?»
А после того-де Митрей стал осматривать,
Обходил-де по своёму дому доброму,
А затем-де пошел по конюшнам дворовыим,
А нашел-де — в ле́снях лежит служаноцька.
Вот нашел он свою ныньце служаноцьку,
А как стал-де у ей ищэ выспрашивать:
«А как хто-де как этта ныньце был ле здесь?»
Отвечат ему его ныньце служаноцька:
«А как были ныньце здеся ищэ два молоцца,
Я не знаю их, они да нынь откуль, право,
А незнаемы они, будто неведомы.
Как увезли-де твою ’ сабой, право, племянничу,
Как увезли-де твоего ’ сабой, право, племянника!»
Как ле тут стал Митрей скоро снаряжатисе,
Как ле тут стал Митрей сподоблетисе,
Как ведь за има да нынь в сугон, право,
А берёт с собой приправу ныньце всякую.
Как поехал тут ле Митрей скоро-наскоро,
А как гонитца за има ищэ скорешинько,
Выезжат на поля ищэ на чистыи,
А там видно: стоит ищэ черной шатёр.
Подъежжат-де ле Митрей как близёшинько —
У шатра-де нехто да не являитца.
Как ставаёт-де Митрей на добром коне,
Как спускаёт своего коня доброго,
Как овёртываитце Митрей черным мя́дведём —
Он как стал у их гонеть да коней добрыих,
Угонил у их коней ныньце как бе́з вести.
Прибегат-де назад да скоро-наскоро,
Овернулса потом Митрей белым горносталём —
Подбегат он-де к ихному как по́клажу,
Как ведь стал у возов да всё осматривать,
Он как всё ле как стал у их высматривать,

Он у ружей стал спуски зубами выколупывать,
У копейчей насадочки стал отгрызывать,
Как ведь сабельки все да в лес нынь вытаскал.
А потом-де ле Митрей как поскакиват,
А подскакиват ле Митрей как ’ черну шатру.
А потом-де ле Митрей стал заглядывать,
Под полу стал-де Митрей как высматривать,
Как ведь што-де в шатри да ищэ деитцэ.
А сидят-де они да потешаютцэ,
Как ведь в карты-де сами как розыгрывают,
А его-де ле племенничка пригорюнилась.
Как затем-де ле Митрей как заскакиват,
А заскакиват-де Митрей ныньце в че́рн шатёр,
По шатру тут-де Митрей перескакиват —
Увидал-де его ронной племянницёк,
Говорит-то ле он ищэ своей сестры:
«А сестра ты моя ныньце родимая!
А не наш ле это дедюшка поскакиват?»
Отвечат-де она ему такаво слово:
«А откуль у нас будёт ныньце дядюшка?»
Как на то ле ёни да как удрогнули,
Как они-де с того стали поглядывать,
Как они-де с того стали посматривать,
Как сидят-де они ищэ караулят нынь.
А на то был-де Митрей он лукав-вилав,
Он опеть через шатёр опеть проскакиват,
Он опеть побежал да по черну шатру.
Ухватил один удалой доброй молодец,
Ухватил-де он ныньце свою шубу,
А накиныват его, бела горносталя,
А как падат на свою шубу, захлупыват.
Как на то был-де Митрей как догадливой:
Рукавом-де из-под шубы вон вычи́хивал,
А как выскочил-де он да вон на улицу,
Овернулса-де он да добрым молодцом.
А выскакивали удалы добры молодцы,
Как бросаютце ко своим ныньце приправам как —
А у ружей как спуски росколупаны,
У копейчей насадки перее́жены,

Как ведь сабельки-те в лес у их упрятаны,
Им как делать-то ведь стало да ныньце нечего.
Как ведь тут ле ведь Митрей, право, Бранскии:
«Вас ведь хто же ётправил ко мне, право?
А своим ле умом, ле ронной дядюшка?
У нас больша-де была да заповедь клажена:
Не находить штобы вашему дядюшке,
И штобы мне не находить на вашого дядюшку.
Вы своим ле умом да ныньце приехали,
Але дядюшка ле вас ныньце ётправил мне?»
Отвечают они ему, ответ доржат:
«Мы своим-де умом да ныньце здумали».
Он схватил-де ле их да за черны кудри,
Он отрезыват у онного ноги резвыи,
У другого глаза да живком выкопал:
«Ты, безглазой, неси, безногой — указывай!
Вы ведь подьте-ко к дяди да… с выслугой».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Рочева Егора Ивановича, 61 г.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.